УДК 16(091)(510)

В. С. Мясников [1], **Т. Г. Завьялова** [2]

[1] Институт научной информации по общественным наукам РАН
Нахимовский пр., 51/21, Москва, 117997, Россия
E-mail: vsmyasnikov@yandex.ru

[2] Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 8, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail:sunjing2006@yandex.ru

ЗАРОЖДЕНИЕ ОСНОВ СТРАТАГЕМНОГО МЫШЛЕНИЯ В КИТАЕ

Рассматривается проблема возникновения стратагемного мышления в Древнем Китае, показаны ключевые мировоззренческие факторы, обусловившие его формирование в виде устойчивой теории, а также выявлены основные принципы составления стратагем, сформировавшиеся в периоды Чуньцю – Чжаньго.

Ключевые слова: стратагемное мышление, стратагема, древнекитайская философия.

«Не нужно преодолевать препятствие, следует уметь изящно обойти его», – автор этой сентенции полузабытый философ раннего европейского средневековья Г. Рейерд, весьма точно отразил суть философии непрямых действий (см.: [Лиддел-Гарт, 2008]), именуемой стратагемным мышлением. Это свидетельствует о том, что европейская стратагематика, зародившаяся в Древней Греции, через Рим и Византию просочилась в сознание начала той эпохи, в которой она увяла, как несовместимая с установлениями христианской религии. Но возникает вопрос: где же, в какой из древних цивилизаций впервые зародились идеи использования особых приемов для достижения успеха в военном деле, дипломатии, в дворцовых переворотах и других сторонах жизни древнего общества? Источники свидетельствуют о том, что история Древнего Китая содержит наиболее обширный круг применения стратагем в политической жизни, вооруженных конфликтах, в общественных делах и в быту [Васильев, 2006]. И именно китайская историческая и философская традиция подобно глубинному бурению позволяет извлечь на обозрение факты наиболее раннего применения стратагемных уловок.

«Стратагемы существуют у всех народов, однако на Западе нет аналогов такого свода стратагем, который уже в течение почти трех тысячелетий характеризует традиционное китайское мышление и представляет собой своего рода зашифрованную таблицу умножения, известную каждому китайцу с детства и во многом организующую его поведение в различных жизненных ситуациях», – этот вывод был сделан одним из авторов в середине 90-х гг. прошлого века [Мясников, 1995]. Как показывает современное состояние науки о стратагемах, он не только не устарел, но, наоборот, постоянно подтверждается другими исследователями.

Стратагемы как особое явление социальной жизни представляют собой сложный объект для исследования. Во-первых, уловки и хитрости – это нетипичные, уникальные для своего времени и места мысли и действия, требующие особого искусства и нестандартного подхода к ситуации. В результате применения стратагемы получается, как правило, неожиданный и изумляющий окружающих результат. Как это ни парадоксально, но иногда результат воплощения хорошего плана и колдовство оценивались китайским обществом как явления одного порядка. Такое восприятие стратагем характерно не только для произведений фольклора или

ISSN 1818-7919
Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Том 11, выпуск 10: Востоковедение
© В. С. Мясников, Т. Г. Завьялова, 2012

литературы, в которых авторский вымысел и фантазия практически ничем не ограничены. В Китае с именами стратагемщиков ассоциировались не только военные трактаты, но и технологии прогноза погоды, умение предсказывать будущее, воплощенные в различные гадательные практики, системы физиогномики и хиромантии. Начиная с «Истории династии Суй [1]», названия подобных сочинений присутствуют практически во всех библиографический разделах официальных династийных историй. Такая наивная ассоциация, закрепившаяся как в народной, так и в культуре просвещенных слоев общества, демонстрирует признаваемое всеми китайцами редкое умение видеть в различных природных и социальных явлениях скрытое, непроявленное, недоступное обыденному сознанию.

Во-вторых, применение уловок требует скрытности и секретности. Маскировка истинных целей и дезинформация противника – самые важные условия успешной реализации стратагемы. Исследователю, как правило, доступно только описание конечного результата, зафиксированного фольклорной традицией, эпосом или исторической хроникой. Именно поэтому очень сложно бывает реконструировать процесс мышления, в результате которого создаются успешные стратагемы [2]. Достаточно проблематичным по этим же причинам представляется анализ неудачных попыток использования стратагем, такие факты письменные источники практически не фиксируют.

В-третьих, контекст существования стратагем характеризуется многоуровневыми и разноаспектными конфликтами. Собственно говоря, мотивом для создания и применения стратагемы является социальный конфликт, который невозможно разрешить общепринятыми или силовыми методами. Во многих культурах и обществах применение хитростей и уловок вступает в противоречие с этическими нормами и предписаниями, не всегда считается допустимым или разрешенным действием. В рамках социального конфликта может сформироваться еще один – этический конфликт оценки целей и средств, проявляющийся в необходимости обоснования или оправдания использования уловки.

Таким образом, исследователь, реконструирующий стратагемное мышление, сталкивается с тройным сопротивлением исходного материала, обусловленным изначальной атмосферой секретности, в которой создавалась стратагема, мистическим флером ее восприятия в обществе и сомнительным этическим статусом самого факта реализации стратагемы, который ее автор не всегда стремился вынести на обозрение широкой публики. Закономерным следствием таких характеристик исходного материала является простой «коллекционерский» поход к изучению стратагем и стратагемного мышления, в рамках которого стратагемы подбираются в пределах определенного рубрикатора, например «Трактата “36 стратагем”», а то и вовсе бессистемно [3].

Итак, одна из самых серьезных и до сих пор малоисследованных проблем, связанных с явлением стратагемности, – момент возникновения стратагемного мышления в китайской культуре. Необходимо пояснить, что если мы имеем в виду именно мышление определен-

---

[1] Династия Суй (589–619 гг.).

[2] Как утверждает Франсуа Жюльен, обращение к литературным описаниям хитрости и хитроумия не позволяет вскрыть глубинных корней этого явления и создать теорию, его объясняющую. «В Греции мы нигде не найдем теории хитрости. Хитрость можно обнаружить только там, где есть игра социальных и интеллектуальных сил; иногда хитроумие становится просто “навязчивой идей”, но ни в одном тексте нет его анализа, нигде не вскрываются его основы и побудительные причины. Вот почему Вернан и Детьен могли изучать хитроумие только на основе **мифов** и **драмы**, а там оно всегда предстает “неглубоким”, погруженным в практику, и, несмотря на широкое использование “хитростей”, **природа metis не раскрывается** (выделено нами. – *В. М., Т. З.*) и происки ее не находят оправдания» [Жюльен, 1999, С. 18–19]. Проблема природы военной хитрости и в наше время обладает реальной актуальностью, как для западных, так и для российских исследователей в области военной науки, и не в последнюю очередь по причине отсутствия адекватных задачам современной ситуации теоретических обобщений (см.: [Лобов, 2001, С. 8–11; Военные стратегии…, 1986; Грин, 2007]).

[3] В настоящее время такой подход, к сожалению, является доминирующим в исследованиях, посвященных явлению стратагемности (см.: [Завьялова, 2005]). Тем не менее у него есть достаточно авторитетные противники. Ф. Жюльен в обосновании источниковедческой базы для «Трактата об эффективности», посвященному специфике этого понятия в Китае, пишет: «…я предпочел оставить за рамками исследования тексты типа “Тридцати шести стратагем” (“Сань ши лю цзи”) – сборники полезных советов по части военной хитрости. Я сделал это для того, чтобы, с одной стороны, сохранить историческое единство материала (ибо эти сборники относятся к более позднему периоду и лишь повторяют хорошо известные идеи в афористической форме), а с другой стороны, чтобы отмежеваться от той вестернизированной “китайщины”, по поводу которой и без меня сказано немало» [1999. С. 9].

ной направленности, основным способом его бытования следует считать вербальную и рефлексивную форму, предполагающую наличие определенно класса текстов и соответствующего категориально-понятийного аппарата. Без этих определяющих признаков можно вести разговор только о тех или иных разрозненных фактах практической деятельности людей. Необходимо четко разграничить спонтанное и единичное использование стратагемы и систематическое целенаправленное их создание на основе определенных принципов [4]. Кроме того, необходимо выявить факторы, позволившие стать стратагемности не эпизодическим явлением китайской культуры (как это случилось в европейской традиции), а частью духовной традиции, передающейся из поколения в поколение.

Главный социальный фактор, инициирующий появление стратагем, – социальный конфликт. Наиболее острый, трагичный для общества и в явном виде затрагивающий все его слои конфликт – это война. Именно необходимость осмысления закономерностей протекания войн, условий достижения победы, минимизации рисков и затрат стала стимулом теоретического осмысления принципов создания стратагем.

Как само слово «стратагема», так и систематические описания хитростей и уловок известны со времен Античности именно в виде военных сочинений. До нашего времени дошло два – «Стратегемы» греческого автора II в. н. э. Полиэна и «Стратегемы» [5] римского военного теоретика I в. н. э. Секста Юлия Фронтина. Именно Фронтин и дал первое в Европе определение стратагемы[6]. В Древней Греции и Риме понятия στρατηγικά и στρατηγήματα, ставшие впоследствии названиями разных жанров литературы, были достаточно близки. Как отдельный жанр στρατηγήματα сформировались достаточно поздно, уже после создания стратегик, тактик и полиакретик. Сложную связь понятий στρατηγικά и στρατηγήματα отмечал и Карл фон Клаузевиц: «На первый взгляд кажется правильным, что стратегия получила свое название от хитрости и что при всех действительных и кажущихся переменах, которым подвергалось ведение войны со времен греков, это название все еще указывает на специфическую сущность стратегии» [1994, С. 226].

Такая же неразрывная связь стратегии и стратагемности прослеживается и в китайской культуре. В самом раннем описании китайских военных трактатов – библиографическом разделе «Истории династии Хань» – имеется раздел *цюаньмоу* (权谋), название которого можно интерпретировать и как «стратегия», и как «стратагемы». Сочинения, перечисленные в этом разделе, например «Военное искусство Сунь-цзы» или «Военное искусство У-цзы», – это трактаты по военной стратегии. Тем не менее описание-аннотация к данному разделу представляет собой достаточно лаконичное, но точное определение стратагемы: «*Создающий искусные планы с помощью <u>истины-справедливости</u> (正) сохраняет государство, с помощью <u>необычного-изумляющего</u> （奇） применяет войска, сначала <u>рассчитывает</u> （计）, потом воюет, используя форму и обстановку, объемля инь и ян, применяет искусство-мастерство*» [Бань Гу, 1993. С. 778].

Всего Бань Гу перечисляет 53 военных автора, общий объем их сочинений 790 глав [7]. В этом разделе упоминается 13 авторов, общий объем их сочинений 259 глав. Если сравнить

---

[4] Впервые стратагемность в наше время была проанализирована именно как система определенных мыслительных принципов, реализованных в конкретной практике. Здесь мы также подразумеваем под стратагемой «синтез результатов оценки ситуации и специфического приема, выработанного **теорией** для аналогичной обстановки» [Мясников, 1977, С. 15–16].

[5] В названиях греческих и римских памятников используется транслитерация древнегреческого слова στρατηγήμα (мн. ч. στρατηγήματα), которое употреблял и Фронтин, для остальных случаев – транслитерация слова, принятого в современных европейских языках (stratagem – англ., stratagème – фр., Stratagem – нем.), закрепившаяся и в русском языке.

[6] «Если найдутся читатели, которым эти свитки придутся по сердцу, пусть они имеют в виду, что стратегия и стратегемы, хоть и очень сходны, различаются между собой. Все, что полководец совершает по заранее обдуманному плану, надлежащим образом, со всей официальностью и постоянством, это будет считаться стратегией, а если это лишь по видимости так, то это – стратегематы. Сила этих последних, заключающаяся в искусности и ловкости, полезна и при обороне и при наступлении. Блестящие результаты здесь давали также речи, поэтому мы даем образцы деяний и речей» [Фронтин, 2002, С. 118].

[7] Кроме раздела «Военная стратегия», имеются разделы «Форма», «Инь-ян» и «Военные приемы». Согласно «Хань шу» деление военных сочинений на четыре раздела произошло при династии Хань во времена Сяо-ди и Чэн-ди [Бань Гу, 1993. С. 780].

эти данные с другими группами авторских произведений, цифры выглядят достаточно внушительно (см. таблицу) – это третья и по количеству авторов, и по объему группа сочинений [Там же. С. 758–786].

Количество специальных сочинений (по данным «Хань шу»)

Раздел	Общее число авторов	Общий объем сочинений, в главах (篇)
Конфуцианские сочинения	53	836
Военные сочинения	53	790
Военные стратагемы/военная стратегия	13	259
Сочинения по астрономии	21	445
Сочинения по медицине	7	216
Сельскохозяйственные сочинения	9	114

Мы специально выбрали для сравнения две группы сочинений: с одной стороны – произведения ведущей философско-идеологической школы, которых по вполне понятным причинам больше всего, с другой – сочинения, имевшие практическое значение. Кроме того, велика вероятность, что последние не подвергались сожжению во времена Цинь Шихуана [8]. Таким образом, на основе простых количественных показателей можно с большой долей уверенности утверждать, что ко времени правления династии Западная Хань (206 г. до н. э. – 8 г. н. э.) в рамках военной мысли в Китае сформировалась развитая теория применения стратагем.

Время создания «Истории династии Хань» – не самая верхняя граница древнейшего периода развития стратагемного мышления в истории Китая. Вряд ли она излагалась исключительно в военных трактатах (см. [У-цзин, 1998]). Известно, что при составлении библиографического раздела Бань Гу пользовался первым в истории Китая библиографическим справочником «Семь разделов» (七略), составленным Лю Сяном и Лю Синем. Именно благодаря Лю Сяну мы можем достаточно точно назвать дату создания первого полного и точного описания примеров и приемов стратагемного мышления в Китае, инкорпорированного в общую теорию государственного управления – четвертый год правления ханьского императора Чэн-ди под девизом «Возвышенное одобрение» (鸿嘉) – 17 г. до н. э. Именно в этот год Лю Сян (刘向) преподнес императору свой трактат «Собрание учений» (说苑). В русскоязычной исследовательской традиции это произведение анализируется по преимуществу как чисто литературный памятник [9], что с исторической точки зрения совершенно несправедливо. В это время Лю Сян занимал пост *гуанлу дафу* (光禄大夫) – был особо приближенным к императору чиновником очень высокого ранга, в обязанности которого входило участие в обсуждениях вопросов государственной важности [10]. Если учитывать данные его биографии [11],

[8] Как свидетельствует Сыма Цянь, в докладе трону Ли Сы предлагал сохранять «книги по медицине, лекарствам, гаданиям на панцирях черепах и стеблях, по земледелию и разведению деревьев» [Сыма Цянь, 2003. С. 77–78].

[9] «Другая сторона писательской работы Лю Сяна отражает его интерес к народному творчеству, к фольклору. Его произведения “Шо юань” (“Сад рассказов”), “Ле нюй чжуань” (“Жизнеописания знаменитых женщин”) представляют собой литературную обработку бытовавшего тогда повествовательного фольклора. В первом собраны рассказы о “хороших” правителях, верных слугах, благородных поступках. Второе произведение содержит рассказы о верных и неверных женах, целомудренных и развратных девушках. Не только материал этих сборников, но и характер его обработки свидетельствует о дидактических намерениях Лю Сяна, и в этой связи они также в какой-то мере отражают его стремление бороться с общественным злом» [История…, 1983. С. 195].

[10] Согласно «Табели о чиновничьих рангах» в «Истории династии Хань» (光禄勋属官有大夫，掌论议).

[11] Он состоял в родстве с императорским домом, три раза отстранялся от службы за критические высказывания в адрес государственной политики, не единожды выражал опасения в адрес набирающего силу клана Ван. Как показал ход истории, был абсолютно прав, мятеж Ван Мана произошел через 26 лет после создания «Собрания учений».

можно с совершенной уверенностью утверждать, что этот трактат он предполагал использовать в первую очередь как инструмент реализации определенной политической программы. Для нас представляет интерес тот факт, что в «Собрании учений» есть отдельные главы, посвященные как военной сфере – «Указания [по применению] военной силы» (指武), так и применению стратагем – «Искусные планы» (权谋). Все главы структурированы по единому образцу – краткое описание общего принципа, после которого следуют примеры из истории, иллюстрирующие принцип. Именно Лю Сян смог не только дать развернутое определение стратагемы, ему также удалось решить проблему этичности и допустимости использования уловок:

«Замыслы имеют два предела: высшие состоят в знании судьбы, низшие – в знании дел. Знающий судьбу предвидит источники существования и гибели, счастья и беды, заранее знает начало падения и возвышения, процветания и упадка, предотвращает событие до появления его ростков, устраняет трудности бесформенным [12]*. Если такой человек живет во времена смуты, он сможет сохранить себя, во времена мира обязательно обретет власть над Поднебесной. Знать дела людей тоже неплохо, наблюдая за событиями, можно различить прибыль и убыток, победу и поражение, и знать, чем все закончится. В этом случае не потерпишь краха в своем занятии, не упустишь [признания] своих заслуг.*

Конфуций говорил: “можно вместе добиваться успеха, стоит ли вместе искать подходящую уловку?”. Ведь не знающий ни судьбы, ни дел, как такой человек может осуществлять искусство великих замыслов? Искусные планы могут быть праведными и неправедными, планы благородного мужа чисты, планы низкого человека – лукавы. Праведные планы направлены на общее [благо], они принимаются всем сердцем народом как искренние. Лукавыми планами стремятся в личной выгоде, тогда народом они воспринимаются как коварные. Коварство ведет к смуте, а искренность – к миру» [Лю Сян, 2009. С. 328–329].

Сюжеты, приведенные в главе «Искусные планы» в качестве иллюстраций, встречаются как в исторических произведениях, так и в философских трактатах [13]. Как правило, современные комментаторы указывают к одному прецеденту несколько источников. Можно предположить, что к тому времени, когда Лю Сян создавал «Собрание учений», они стали «сквозными» для китайской интеллектуальной традиции. Иначе говоря, сформировался определенный набор образов исторических событий, как правило, в форме исторического анекдота или притчи, выступавший в роли эмпирического базиса для формирования стратагемного мышления.

Если верхнюю границу периода формирования стратагемного мышления в Древнем Китае можно с некоторой долей вероятности установить в пределах ста лет, то определить, когда его еще не существовало, гораздо сложнее. Скорее всего, его формирование шло параллельными путями. С одной стороны – в рамках историографической традиции, которая аккумулировала определенный набор прецедентов успешного применения стратагем [14], с другой – в процессе формирования военной теории. Сходные процессы проходили и в античном мире, но несколько позже, о чем упоминалось ранее.

---

[12] Отсылка к «Военному искусству Сунь-цзы».

[13] Современные комментаторы трактата находят аналогичные сюжеты в «Веснах и осенях господина Люя», «Планах сражающихся царств», «Гуань-цзы», «Ле-цзы», «Ханьфэй-цзы», «Летописи деяний Янь-цзы», «Философы из Хуайнани», «Цзо чжуани» и т. д.

[14] Это предположение подтверждают и более поздние этапы развития военной мысли и стратагемного мышления в Китае. Попытки систематизировать упоминающиеся в исторических хрониках стратагемы не являются достижением нашего времени. Военные теоретики, жившие при династиях Мин и Цин, часто обращались к одному из авторитетных исторических произведений, входившему в число канонов, «Цзо чжуани», для иллюстрации собственных теоретических построений. Например, Чэнь Юймо (陈禹谟) написал трактат «Военная стратегия Цзо Цюмина» (左氏兵略), Сун Чжэнби (宋征璧) «Рассмотрение военных методов Цзо Цюмина» (左氏兵法测要). Сочинение, полностью посвященное стратагемам, описываемым в «Цзо чжуани» и называющееся «Военные замыслы» (兵谋), написал Ван Си (魏禧) (1624–1681). Им же написано сочинение под названием «Военные методы» (兵法), которое является принципиальным шагом вперед в области военной истории: несмотря на то, что по структуре сочинение аналогично «Военным замыслам», Ван Си не только соотносит исторические факты с имеющимися положениями военной теории, но и на основе исторического описания делает реконструкцию военных стратегий, нашедших отражение в «Цзо чжуани» [Сюй Баолинь, 2002].

Проблема переломного момента китайской истории, когда изменилось отношение к конфликту, когда приоритетным направлением мыслительных усилий стал поиск эффективных путей выхода из него, значима не только для узких синологических исследований. Если подойти более широко, ее можно переформулировать как проблему выявления ключевых причин, в результате действия которых в условиях неопределенности и риска возникало эффективное мышление. В социальной практике оно проявляется как различные хитрости и уловки. О таком переломном моменте истории в связи с процессом создания военных трактатов впервые говорится в библиографическом разделе «Истории династии Хань»:

«Школа военных произошла от носителей титула Сыма, в древности это – государевы чиновники, отвечавшие за подготовку к войне. В [главе "Шу цзина"] "Хун фань" среди "восьми государственных дел" восьмое – военные дела. Конфуций говорил, что тот, кто управляет государством, должен заботиться, чтобы "в достатке были пища и войска", "Кто не обучает народ воевать – предает его", что свидетельствует о важности военных дел. В "И цзине" говорится: "В древности сгибали дерево в луки, вытачивали из дерева стрелы, для того, чтобы при помощи оружия устрашать Поднебесную". Позже стали плавить лезвия из железа, делать доспехи из кожи, вооружаясь до зубов. Позже шанский Чэнтан и чжоуский У-ван при помощи войск усмиряли смуту, чтобы приносить пользу народу, начинали войну в соответствии с [принципами] человеколюбия и справедливости, вели войну, используя ритуал и вежливость. "Методы Сыма" – следы дел тех времен. Начиная с [периода] Чуньцю и до [эпохи] Чжаньго не чурались ни применения ошеломляющих планов, ни устройства засад, ни коварства в войне» [Бань Гу, 1993. С. 777–778].

Не доверять данным о развитии военной стратегии, которые приводит Бань Гу, нет никаких оснований, но общая протяженность периодов Чуньцю и Чжаньго – более 500 лет. Вполне вероятно, что концептуальное оформление стратагемного мышления произошло именно в этих временных границах, но когда именно – еще предстоит определить. На основании имеющихся данных можно предположить, что, во-первых, стратагемное мышление возникло в рамках достаточно развитой интеллектуальной традиции, имеющей определенный опыт рефлексии над социальной действительностью и соответствующие средства его концептуализации. Во-вторых, для возникновения стратагемного мышления необходима не только концептуализация социальных конфликтов (и войн, в том числе), но и формирование определенного набора ценностных или оценочных критериев (допустимо / недопустимо, этично / неэтично, эффективно / неэффективно). В-третьих – наличие определенных рекомендаций «инструментального характера», иначе говоря – набора предписаний, когда применение стратагем не только допустимо, но и необходимо и оправдано. Следовательно, реконструкцию процесса возникновения стратагемного мышления в Древнем Китае необходимо начинать с выявления соответствующего интеллектуального контекста, делавшего его теоретизацию не только возможной, но и желательной, а в идеале – полезной для общества.

Идейной доминантой, маркирующей возникновение «благоприятного» для возникновения стратагемного мышления климата, можно считать отношение к войне и военным действиям. В доциньской мысли китайские авторы выделяют три различные точки зрения на природу и характер войны – война, инициированная получением «небесного мандата» (天命), народная война (民本) и война за выгоду (功利) [Чэн Юань, 2006; Цзе Вэньчао, 2007].

Идея справедливой войны, нацеленной на реализацию мандата Неба, предполагала осуществление наказания нарушителя порядка, установленного Небом. Например, в «Шан шу», главе «Наказы шанского Тана» (汤誓) говорится: «У дома Ся накопилось много грехов, веление Неба – покарать его» (有夏多罪，天命殛之) [Шан Шу, 2010. С. 81]. Идея реализации воли Неба присутствует и в описании военных действий У-вана против дома Шан в «Исторических записках» Сыма Цяня. Главная особенность, отличавшая направляющие поведение полководца или другого лица, возглавлявшего военную кампанию в это время – правильное знамение в виде сна, природного явления, доброго знака. Такое отношение к войне еще не могло быть основой для формирования системного стратагемного мышления, доминирование мистических представлений не оставляет места для рационального и нетривиального расчета. Позднее ориентация на небесные знамения очень резко подвергалась критике в трактатах по военной стратегии. Например, в трактате «Военное искусство У-цзы», главе

«Оценка противника» говорится, что «При оценке противника в восьми случаях вступают в сражение, не прибегая к гаданию» [У Цзин…, 1998. С. 188]. Еще более критичен в отношении неблагоприятных небесных знамений Вэй Ляо-цзы. В первой главе его трактата, которая так и называется «Небесные знамения», говорится, что «небесные знамения есть не что иное, как человеческие усилия» [Там же. С. 213].

Идеи народной войны и войны за выгоду развивались практически параллельно. Первая наиболее ярко получила свое выражение в сочинениях моистов, даосов и конфуцианцев. В периоды Чуньцю и Чжаньго войны между государствами шли практически непрерывной чредой. Именно в это время в китайской интеллектуальной традиции складывается особое специфическое видение войны.

Во-первых, война расценивается как дело государственной важности, как событие, в которое вовлечены все слои общества, а не как личное дело правителя, реализация его амбиций и не проявление воли богов. Трактат «Военное искусство Сунь-цзы» начинается словами «война – это великое дело для государства» (兵者，国之大事也). Подобная мысль есть и в трактате «Гуань-цзы»: «Нет ничего более важного в вопросах безопасности государства, чем армия» (国之所以安危者，莫要于兵). В «Цзо чжуани» (глава «13-й год правления Чэн-гуна») говорится – «Самые главные дела государства – жертвоприношения и войска» (国之大事在祀与戎) [Цзо чжуань, 2010. С. 214].

Во-вторых, и в философских произведениях, и в военных трактатах, и в исторических хрониках войну называют «орудием несчастья» (凶器), которое может использоваться только в качестве крайней меры. В 31-м чжане «Дао дэ цзина» говорится: «Хорошее войско – средство, [порождающее] несчастье, его ненавидят все существа. Поэтому человек, следующий *дао*, его не употребляет… Войско – орудие несчастья, поэтому благородный [правитель] не стремится использовать его, он применяет его только когда его к этому принуждают. Главное состоит в том, чтобы соблюдать спокойствие, а в случае победы себя не прославлять. Прославлять себя победой – это значит радоваться убийству людей. Тот, кто радуется убийству людей, не может завоевать сочувствия в стране. Благополучие создается уважением, а несчастье происходит от насилия» [Китайская философия, 1994. Т. 1. С. 124]. Практически в том же самом виде – «война – орудие несчастья» (兵者,凶器也) – эта фраза встречается в «Речах царств» (раздел «Речи царства Юэ») [Го Юй, 2010. С. 348]. Такое же отношение к войне можно встретить и в военных трактатах. «Совершенномудрые государи называют войну орудием несчастья, к которому можно прибегнуть только в крайнем случае» (圣王号兵为凶器，不得已而用之) – говорится в главе «Гражданское нападение» «Шести стратегий Тай-гуна». Более развернуто эта мысль отражена в трактате «Вэй Ляо-цзы», главе «Приказы по армии»: «Войско – орудие несчастья, война противоречит добродетели, полководец – властитель смерти, поэтому прибегают к войне только в крайнем случае» (故兵者，凶器也，争者，逆德也，将者，死官也，故不得已而用之).

В конце периода Чжаньго идеи отрицания войны получили развитие в трактате «Мо-цзы». Постулат отрицания войны интерпретировался как проявление воли Неба: «Небо не хочет, чтобы большое царство нападало на малое», ибо это несправедливо. «Пытаться с помощью войны решать политические споры между государствами, – учил философ Мо-цзы, – пытаться добиться мощи и славы – это все равно, что заставлять всех людей в Поднебесной пить одно лекарство для лечения разных болезней, ибо пользы от этого может быть только четырем-пяти человекам <…>» (см.: [Титаренко, 1985. С. 66]). Мо-цзы отрицал войну, так как видел в ней лишь разорение и бедствия для народа. «Армия нападающей стороны вторгается на землю другого государства, топчет его хлеба, рубит его леса, разрушает города и села, загрязняет и разрушает его пруды и другие водоемы, угоняет и убивает его скот, сжигает и оскверняет его родовые кумирни, принуждает работать на себя и убивает его жителей, измывается над иноплеменными стариками и женщинами, вывозит из захваченного царства

его богатства», – так рисуется картина войн периода «Воюющих царств» [Древнекитайская философия, 1994. Т. 1. С. 194].

Вместе с тем война не меньшее несчастье и для нападающей стороны, ибо «многочисленные армии уходят в поход и не возвращаются обратно. Тысячи семей остаются без опоры, жены становятся вдовами, а дети сиротами, полностью растрачиваются все богатства народа <…>, чиновники не занимаются государственными делами, земледельцы не засевают поля, женщины не ткут полотна, государство теряет своих слуг, простолюдины забрасывают свои дела» [Древнекитайская философия, 1972. С. 193–194].

Не менее последовательным противником войны был и основоположник даосизма Лао-цзы. «Кто служит главой народа посредством *дао*, – утверждал он, – тот не покоряет другие государства при помощи войск, ибо это может обратиться против него. Где побывали войска, там растут терновник и [другие] колючки. После больших войн наступают голодные годы» (см.: [Ян Хиншун, 1950. С. 90]). Отсюда следовал вывод: «войско – орудие несчастья, поэтому благородный [правитель] не стремится использовать его, он применяет его только когда его к этому вынуждают» (см.: [Быков, 1966. С. 124].

В-третьих, война признается не только опасным, но и социально вредным явлением, которому необходимо вовремя положить конец. В «Цзо чжуани» (глава «4-й год правления Иньгуна») говорится: «Воевать – все равно, что играть с огнем. Если вовремя не остановиться, можно сгореть самому» (“夫兵，犹火也，弗戢，将自焚也). В «Планах сражающихся царств» (главе «Планы царства Ци», раздел второй) говорится: «Тот, кто, сражаясь, побеждает всегда, но не знает предела, обязательно погибнет» (战无不胜而不知止者，身且死). В главе «12-й год Сюань-гуна» излагается история, известная в Китае сейчас любому школьнику. В ответ на предложение Пань Дана отметить победу над врагом и оставить память о военном успехе потомкам Чуский ван, отказываясь, ответил: «Ты ничего об этом не знаешь. Если посмотреть на письменные знаки, иероглифы “останавливать” и “копье” образуют иероглиф “военный”» (非尔所知也。夫文，止戈为武). Этот же принцип необходимости ограничить военные действия во времени более четко сформулирован в «Военном искусстве Сунь-цзы»: «В войне важна скорость, недопустимо промедление» (兵贵速,不贵久).

В-четвертых, из понимания необходимости ограничить военные действия во времени логично вытекает стремление избежать излишних людских и материальных затрат. Кроме того, по мнению многих древнекитайских мыслителей, война требует тщательной подготовки, как материального обеспечения армии, так и поддержания ее боевого духа. Эта идея появляется уже в трактате «Гуань-цзы»: «Ничто так сильно не обедняет народ и не разрушает богатство, как война. Ничто с такой скоростью не создает опасности для государства и беспокойства для государя, как война» (贫民伤财，莫大于兵；危国忧主，莫速于兵). Еще более категорично высказывался о необходимости подготовки к войне Конфуций. В «Лунь юе» говорится: «Совершенномудрый учит народ семь лет, и только после этого он может воевать. Кто не обучает народ воевать – предает его» (以不教民戰，是謂棄之).

Таким образом, в рамках философской и исторической мысли в Китае на протяжении VI–IV вв. до н. э., с одной стороны, складывается представление о войне как о крайне негативном социальном явлении, с другой – создается необходимая этическая и практическая мотивация экономии людских и материальных потерь. Эта цель считается приемлемой и благородной, а соответственно и оправдывающей любые средства для ее достижения. Китайская традиция не создала героического эпоса, сопоставимого по пафосу с «Илиадой», вместо деяний богов и героев мы видим трезвый отчет летописи. В сухом изложении хрониста в действиях мифических правителей древности можно увидеть четкую рациональную программу, осуществляемую руководителем государства с определенной, вполне земной и достижимой целью. Отсутствие поэтизации войны, преобладание трезвого расчета над героизмом, отношение к войне как к неизбежному, но все-таки злу, которое мешает государству богатеть, а простым людям жить обычной мирной жизнью, определили одну из своеобразных черт китайской военной и дипломатической мысли доциньского периода – стремление к составлению адекватного прогноза и поиску минималистических средств достижения по-

беды. Именно общая идейная атмосфера сделала возможным формулировку одного из важнейших тезисов Сунь-цзы – «Война – это путь коварства». Такой подход к войне – не уникальное свойство концепции Сунь-цзы. Например, в «Ханьфэй-цзы» главе «Первая трудность» говорится: «На войне не чураются коварства и обмана» (战陈之间不厌诈伪).

Легитимизация коварства, обмана и всевозможных уловок (по сути – стратагем разного уровня сложности) потребовала создания адекватного мыслительного инструментария. Это еще одна отличительная черта доциньской военной мысли – очень практичная и четко проработанная технология анализа и компактный категориально-понятийный аппарат описания феномена войны, анализа ее закономерностей и формулирования эффективной стратегии.

Подход к войне, как к борьбе за выгоду складывался именно в рамках военной теоретической мысли. В «Военном искусстве Сунь-цзы» иероглиф *ли* (利), «выгода» упоминается более 50 раз. Необходимо отметить, что категория «выгоды» у Сунь-цзы существует в диалектическом единстве с категорией *вэй* (危),«опасность» или *хай* (害), «вред. В главе «Борьба на войне» говорится: «Борются на войне из-за выгоды, сражаются из-за опасности» (军争为利, 军争为危). В главе «Огневое нападение» говорится: «Без выгоды – не двигайся, без прибыли не используй войска, без опасности – не воюй» (非利不动，非得不用，非危不战). В главе «Ведение войны» сказано: «Тот, кто не знает до конца вреда от использования войск, не поймет и выгоды» (不尽知用兵之害者，则不能尽知用兵之利也). В главе «Девять изменений» сказано: «В размышлениях мудрого [полководца] обязательно разделены выгода и вред. В невыгодной позиции нужно увидеть выгоду и воспользоваться ей. В выгодной позиции – заметить опасность и предотвратить ее» (智者之虑，必杂于利害。杂于利而务可信也，杂于害而患可解也).

Заданная Сунь-цзы диалектика соотношения выгоды и опасности позволила выработать определенную «гносеологию риска», нашедшую отражение в различных схемах анализа – главы, посвященные перечислению основных объектов анализа, есть во всех доциньских военных трактатах. Наверное, так же часто, как и иероглиф *ли* (利), «выгода» в трактате «Военное искусство Сунь-цзы» встречается иероглиф *чжи* (知), «знание». Как отмечают китайские исследователи, «можно сказать, что трактат начинается словом “знать” и заканчивается им же» [Чэнь Сюэкай, 1996. С. 1]. Практически в каждой главе под разным углом зрения рассматривается необходимость анализа того или иного явления либо специфика различных стадий мыслительного процесса полководца. Чэнь Сюэкай выделяет три большие части гносеологической теории Сунь-цзы: понимание реальной обстановки и умение составить соответствующий ей объективный прогноз (尽知 – 先知), знание постоянного и изменчивого (知常 – 知变), знание себя и знание противника (知彼 – 知己).

Особенности интеллектуального контекста бытования военной мысли, стремление к гносеологической ясности и диалектический характер мышления определили формирование в доциньской военной мысли основных стратагемных принципов, которые будут актуальны на протяжении всей последующей истории Китая.

1. *Победить сильное слабым (以弱克刚).*

Эта идея не является изобретением Сунь-цзы. Она впервые была сформулирована Лао-цзы. Этот принцип упоминается в 36-м и 78-м чжане «Дао дэ цзина». В качестве примера слабой субстанции Лао-цзы приводит воду (43-й чжан) и сравнивает с ней войну. Эту же метафору будет использовать и Сунь-цзы: «Форма у войска подобна воде: форма у воды – избегать высоты и стремиться вниз; форма у войска – избегать полноты и ударять по пустоте. Вода устанавливает свое течение в зависимости от места; войско устанавливает свою победу в зависимости от противника. Поэтому у войска нет неизменной мощи, у воды нет неизменной формы. Кто умеет в зависимости от противника владеть изменениями и превращениями

и одерживать победу, тот называется божеством». Идея победы слабого над сильным нашла отражение и в «Шести стратегиях Тай-гуна» (Глава «Гражданское нападение», 12-й пункт).

2. *Взаимное порождение привычного-устойчивого и изумляющего-необычного (奇正相生).*

Этот принцип также впервые был сформулирован Лао-цзы (57-й чжан): «Постоянным управляют государством, изумляющим используют войска» (以正治国，以奇用兵). Этот принцип использует У-цзы в 5-й главе «Изменения». В «Военном искусстве Сунь Биня» есть отдельная глава, посвященная диалектике соотношения категорий «обычное – необычное».

3. *Использовать «пустое» как полное (以虚为实).*

Соотношение «полное – пустое» – одна из важнейших диалектических оппозиций в доциньских военных трактатах. В этих категориях могут описываться практически все явления, встречающиеся на войне.

Таким образом, стратагемное мышление зародилось в Китае в глубокой древности и было связано с приемами военной и дипломатической борьбы. Огромное влияние на теоретическую разработку основ стратагемности оказал величайший военный мыслитель Древнего Китая Сунь-цзы, автор трактата «О военном искусстве», который требовал облекать предварительные расчеты в форму стратагем. Считается, что под литературно-философским псевдонимом *Сунь-цзы* выступал выдающийся полководец-«стратагемщик» Сунь Бинь из древнекитайского царства Ци [15]. На протяжении всей древней истории Китая полководцы составляли стратагемы для достижения успеха в военных кампаниях. В исторических хрониках и романах сохранились имена выдающихся стратегов: от легендарного Тай Гуна, наставника У-вана, основателя династии Чжоу (XI–III вв. до н. э.) и соперничавшего в военной славе с самим Сунь-цзы полководца У-цзы (V в. до н. э.), а также героев эпопеи «Троецарствие» (конец II – начало III в.) Чжугэ Ляна и Цао Цао.

Итак, стратагемность – это сплав стратегии с умением расставить скрытые для противника западни. Одним из достоинств совершенного человека *цзюньцзы* (君子), согласно конфуцианскому учению, являлось такое качество, как *минь* – ум, смышленость, способности. Владение искусством составлять стратагемы было свидетельством высокой одаренности. О таких людях говорили: не успеет шевельнуть бровью, в голове рождается план. В Древнем Китае огромная масса придворных ученых, философов занималась составлением стратагем. Эти профессионалы предлагали свои секретные планы правителям царств, способным оплатить интеллектуальную услугу.

Знание древних стратагем, составление хитроумных планов стало в Китае одной из традиций духовной жизни. Причем не только традицией политического или военного противоборства. Со временем продуманный во всех деталях план в обычной, повседневной жизни, сравнивали с классическим наследием великих стратегов древности. Так, в средневековом романе «Цветы сливы в золотой вазе, или Цзинь, Пин, Мэй» старуха-сводня Ван, устраивая герою Симынь Цину любовное свидание, хвастает, что у нее есть план, состоящий из десяти пунктов, который по своим достоинствам не уступает стратагемам самого Сунь-цзы [Цветы сливы…, 1977. С. 59–60].

Список литературы

Быков Ф. С. Зарождение политической и философской мысли в Китае. М.: ГРВЛ, 1966. 240 с.

Васильев Л. С. Древний Китай. М.: Вост. лит., 2006. Т. 3: Период Чжаньго (V–III вв. до н. э.) 679 с.

[15] Необходимо отметить, что в настоящее время вопрос является дискуссионным. Впервые мнение о возможном авторстве Сунь Биня (? – 316 г. до н. э.) было высказано при династии Мин. Оно просуществовало и во времена правления династии Цин, в частности, его придерживался Лян Цичао. В настоящее время эту точку зрения поддерживают некоторые японские ученые. В КНР после обнаружения в 1972 г. в местечке Иньцяошань пров. Шаньдун двух разных военных трактатов («Военное искусство Сунь-цзы» и «Военное искусство Сунь Биня») большей популярностью пользуется мнение о существовании двух разных авторов [Хуан Буминь, 2010. С. 177]. Согласно еще одной гипотезе, автором «Военного искусства Сунь-цзы» был У Цзысюй [Цзе Вэньчао, 2007. С. 10–12].

Грин Р. Тридцать три стратегии войны / Пер. с англ. Е. Я. Мигуновой. М.: Рипол классик, 2007. 672 с.

Древнекитайская философия: В 2 т. / Сост. Ян Хиншун. М.: Принт, 1994. 748 с.

Древнекитайская философия: Собрание текстов: В 2 т. / Сост. Ян Хиншун. М.: Мысль, 1972. Т. 1. 363 с.

Жюльен Ф. Трактат по эффективности / Пер. с фр. Б. С. Крушняк. М.: Университетская книга, 1999. 235 с.

Завьялова Т. Г. Формирование терминологических средств стратагематики в китайской культуре // Восток – Запад: Историко-литературный альманах: 2003–2004. К 85-летию С. Л. Тихвинского. М.: Вост. лит., 2005. С. 255–275.

История всемирной литературы: В 9 т. / Под ред. Г. П. Бердникова. М.: Наука, 1983. Т. 1. 584 с.

Клаузевиц К. О войне / Пер. с нем. А. Рачинского. М.: Логос; Наука, 1994. 448 с.

Лиддел-Гарт Б. Стратегия непрямых действий: (Энциклопедия военного искусства). М.: АСТ, 1999. 656 с.

Лиддел Гарт Б. Г. Стратегия непрямых действий: Ключ к практическому решению любой проблемы / Пер. с англ. Б. Червякова, И. Козлова, С. Любимова. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2008. 464 с.

Лобов В. Н. Военная хитрость. М.: Моск. воен.-ист. о-во; Логос, 2001. 472 с.

Мясников В. С. Традиционная китайская дипломатия и реализация Цинской империей стратегических планов в отношении Русского государства в XVII веке: Автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 1977.

Мясников В. С. Антология хитроумных планов // Зенегер Х. фон. Стратагемы. М.: Прогресс. 1995. С. 5–17.

Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи) / Пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина, В. С. Таскина. М.: Вост. лит., 2003. Т. 2. 576 с.

Титаренко М. Л. Древнекитайский философ Мо-цзы и его учение. М.: ГРВЛ, 1985. 245 с.

У-цзин. Семь военных канонов Древнего Китая / Пер. с англ. Р. В. Котенко. СПб.: Евразия, 1998. 336 с.

Фронтин Секст Юлий. Стратагемы. Искусство войны: Антология: В 2 кн. / Сост. Р. Светлов. СПб.: Амфора, 2002. Кн. 1: Древний мир. 397 с.

Цветы сливы в золотой вазе, или Цзинь, Пин, Мэй: В 2 т. / Пер. с кит. В. Манухина; вступ. ст. и коммент. Б. Рифтина. М.: Худож. лит., 1977. Т. 1. 438 с.

Ян Хиншун. Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 160 с.

班固。汉书。长沙：岳麓书社，1993。(*Бань Гу*. История династии Хань. Чанша: Юэлу шушэ, 1993. 1024 с.)

刘向。说苑。北京：北京大学出版社，2009。(*Лю Сян*. Хранилище учений. Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2009. 565 с.)

国语。郑州：中州古籍出版社, 2010。(*Го Юй.* Речи царств. Чжэнчжоу: Чжунчжоу чубаньшэ, 2005. 356 с.)

许保林。中国兵书通览。北京：解放军出版社, 2002。(*Сюй Баолинь*. Общее обозрение китайских военных произведений. Пекин: Цзефанцзюнь чубаньшэ, 2002. 695 с.)

武经七书。北京：中华书局，2011。(У-цзин. Семь военных канонов. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2011. 616 с.)

黄朴民。先秦两汉兵学文化研究。北京：中国人民大学出版社，2010。(*Хуан Буминь*. Исследования военной культуры доциньского периода и периода правления двух династий Хань. Пекин: Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ, 2010. 280 с.)

解文超。先秦兵书研究。上海：上海古籍出版社, 2007。(*Цзе Вэньчао*. Исследования военной мысли доциньского периода. Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2007. 275 с.)

左传。郑州：中州古籍出版社, 2010。(Цзо чжуань. Чжэнчжоу: Чжунчжоу гуцзи чубаньшэ, 2010. 392 с.)

中国历代军事战略。北京：解放军出版社，1986。上、下册。(Военные стратегии в истории Китая: В 2 т. Пекин: Цзефанцзюнь чубаньшэ, 1986. 1572 с.)

陈学凯。制胜韬略--孙子战争知行观论。济南：山东人民出版社，1996。 (*Чэнь Сюэкай*. Стратегия победы – теория мысли и действия в «Военном искусстве Сунь-цзы». Цзинань: Шаньдун жэньминь чубаньшэ, 1996. 428 с.)

程远。先秦战争观研究。西安：陕西人民出版社，2006。(*Чэнь Юань*. Исследования взглядов на войну в доциньский период. Сиань: Шэньси жэньминь чубаншэ, 2006. 253 с.)

尚书。郑州：中州古籍出版社, 2010。(Шан шу. Чжэнчжоу: Чжунчжоу гуцзи чубаньшэ, 2010. 300 с.)

Материал поступил в редколлегию 08.09.2012

Vladimir S. Myasnikov, Tatyana G. Zavyalova

THE INITIAL STAGE OF THE DEVELOPMENT OF STRATAGEM THINKING IN CHINA

The article is devoted to the problem of stratagem thinking's origin in Ancient China. Authors expose also the key world-view factors which caused the formation this way of thinking as the stable theory. The main principles for stratagem composing are revealed; they took their form in the period of Chunqiu – Zhanguo.

Keywords: stratagem thinking, stratagem, philosophy of Ancient China.